

УДК 316.334.56
JEL Z13

В. В. Иванова^{1,2}, **М. А. Зыкова**²

¹ *Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

ivanovavasilina@mail.ru, zykova.maria@gmail.com

ГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРА КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ДЕКОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ГОРОЖАН

Городская архитектура, выступая в качестве «естественных физических границ человека», формирует определенный дискурс социальных практик, которые конструируют и определяют реальность, формируя мировоззрение и ценности. При этом данный дискурс способен быть деконструирован и проблематизирован через репрезентацию городской архитектуры, что и дает возможность для изучения способов формирования данных социальных практик горожан.

Суть данного исследования заключается в изучении того, каким образом в социальных практиках горожан проявляются предписания, которые, с одной стороны, задаются городским планом строительства как объективной структурой, с другой – моделями поведения, сформированными под воздействием определенной конструкции мышления и представлений.

Для реализации поставленных задач используется метод дискурс-анализа как способ анализа смыслов, через которые осуществляется попытка деконструирования практик городского образа жизни, анализ тем, которые поднимаются, чтобы раскрыть особенности и значение городской архитектуры, способы ее кодирования.

Метод глубинного интервью с архитекторами городского пространства позволяет нам объективировать те результаты, которые выявляются во время дискурс-анализа кинофильмов, в объективную реальность архитекторов, занимающихся городским планированием и строительством.

Ключевые слова: социология города, социология архитектуры, городская архитектура, дискурс-анализ.

Многие современные исследователи приходят к мнению, что именно социология архитектуры будет завоевывать лидирующие позиции в системе знаний о современном обществе, так как именно она как наиболее сложный способ коммуникации имеет возможность отражать социальные процессы. Исследователи предлагают изучать структуру общества и механизмы его социализации через архитектуру данного общества. В частности, Хейке Делитц пишет о том, что именно «архитектура является главным средством отражения культуры и всех общественных изменений, делая их наглядными, представляя их и воспроизводя» [1. С. 103]. Делитц считает, что архитектура позволяет понять, как общество и социальные явления воплощаются в архитектуре и одновременно ею определяются; как архитектура влияет на социальные изменения; как формируются социальные отношения, мировосприятие, средства передвижения и коммуникации посредством архитектуры [1]. Описывая городскую архитектуру, Хейке Делитц говорит том, что именно городская архитектура является «средством отражения социального» [2. С. 117].

Таким образом, объектом нашего исследования является соотношение городской архитектуры и социальных практик горожан. Предметом исследования служит репрезентация город-

Иванова В. В., Зыкова М. А. Городская архитектура как способ конструирования и деконструирования социальных практик горожан // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 2. С. 150–159.

ской архитектуры как способа конструирования и деконструирования социальных практик горожан. Цель исследования – выявить параметры репрезентации городской архитектуры как способа конструирования и деконструирования практик горожан.

В данном контексте под репрезентацией городской архитектуры мы понимаем способ отражения и моделирования городских практик. Так, изучая, городскую архитектуру через ее репрезентацию у нас есть возможность проследить, с одной стороны, каким образом она выстраивает практики горожан и, с другой стороны, как она способна отражать данные практики и подстраиваться под них.

Таким образом, в качестве эмпирического объекта исследования для нас выступили кинофильмы «Глухие стены», 2011 г., режиссер Густаво Таррето и «Русалка», 2007 г. режиссер Анна Меликян, которые демонстрируют, каким образом городская архитектура выстраивает социальное пространство и задает рамки поведения жителей города. С методической точки зрения выбор данных кинофильмов обусловлен тем, что в них проблематизируется связь городской архитектуры и практик горожан. В выбранных фильмах делается акцент на двойственной природе архитектуры: она выступает как способ конструирования практик, а также служит инструментом для их деконструкции. Методом анализа выбранных кинофильмов является дискурс-анализ.

Помимо выбранных кинофильмов в качестве эмпирического объекта, для получения экспертного мнения в отношении позиций, полученных при дискурс-анализе кинофильмов, нами были выбраны архитекторы и конструкторы городского пространства, которые выступают в роли создателей данного пространства и поведенческих норм для ориентировки в нем. Методом сбора данных является глубинное интервью с архитекторами городского пространства. Данный метод направлен на выявление и анализ смыслов, через которые осуществляется попытка «раскапывания» практик городского образа жизни, а также тем, которые затрагивают архитекторы, чтобы раскрыть особенности и значения городской архитектуры. Осуществляется поиск бинарных оппозиций и смещений во взглядах на городскую архитектуру. Тем самым архитекторы как эксперты по вопросам городского планирования и городской застройки могут помочь в «прочтении» архитектуры как способа коммуникации.

Так, сложно отрицать влияние архитектуры на репрезентацию мира через образцовые формы реальных построек. При этом она также является репрезентацией ценностей того или иного общества, того, как мы способны ощущать себя в пространстве за счет архитектуры, что называется «пассивными ценностями общества».

Так, Жан Бодрийяр пишет, что «бурный рост населения, расширение сетей контроля, органов безопасности, коммуникации и взаимодействия, равно как и распространение внесоциальности, приводят к имплозии реальной сферы социального. Эпицентром этих процессов современного общества является современный мегаполис» (цит по: [1. С. 33–34]).

В современном обществе, по мнению Бодрийяра, социальное поглощается безразличием и отчуждением, возрастает уровень равнодушия, «которое кроется за фасадом». Исходя из этого современная архитектура включает в себе «искусственное моделирование мира, специализации и централизации функций и распространение по всему миру этих искусственных построек» [1. С. 34].

Бодрийяр описывает городскую архитектуру как механическое клонирование, которое создает виртуальную реальность, современные здания возникают как клоны – одного типа по всему миру, и варьируются лишь по функциональным предназначениям.

Мишель де Серто в работе «По городу пешком» отмечал: «Планировать город – значит помыслить саму множественность реального и, далее, придать этому образу мысли действительность» [3. С. 3]. В таком случае архитектура является инструментом для создания множественности, для возникновения виртуальной реальности даже внутри себя. Так, работники офисов или жильцы сами становятся как виртуальные объекты, которые стремятся заполнить пространство.

В книге «Производство пространства» Анри Лефевр, говоря об архитектуре современных городов, пишет: «Как ни печально, повторяемость берет верх над единичностью, искусственное и поддельное – над стихийным и естественным, а значит, продукт – над производением. Эти повторяющиеся пространства появляются в результате повторяющихся жестов (жестов рабочих) и повторяющихся и предназначенных для повторения механизмов – машин,

бульдозеров, бетономешалок, кранов, отбойных молотков и пр. <...> Царство повторения» [4. С. 86–87].

С другой стороны, архитектура воплощает физическую перестройку социального, которую описывает Бурдьё. Он выделяет пять основных концептов первой орбиты, которые описывают город. Это агенты, которые в борьбе за ресурсы, вступают в определенного рода отношения и в процессе этих отношений формируют практики, все эти действия происходят в определенном физическом пространстве, которое и является городом. Физическое пространство соединяет агентов из совершенно разных социальных пространств, как пишет сам Бурдьё, «ничто так не далеко друг от друга и так невыносимо, как социально далекие друг другу люди, которые оказались рядом в физическом пространстве» [5. С. 60]. За счет данного столкновения формируется постоянная борьба за ресурсы, такие как лучший этаж, лучшие условия, технологии и пр. По словам Бурдьё, «данная борьба выражается в структуре разделения социального пространства, в стремлении обозначить выдающиеся место, то есть создается попытка объективировать социальное деление в физическом пространстве» [5. С. 62]. Местом битвы за объективизацию определенного социального пространства становится городская архитектура. Так, с внешней стороны здания строятся одинаковыми и монументальными, однако внутри они скрывают огромную вариацию сценариев, внутри они предоставляют тот самый набор благ и услуг, который является двигателем борьбы, тем самым обеспечивая себе ценность реализованного социального пространства.

Бурдьё описывает свою концепцию конструктивистского структурализма, где теоретическое представление структурализма предполагает наличие объективных структур, которые способны стимулировать и сдерживать действия субъектов сознания и их воли, и конструктивизм «как утверждение социогенеза, в котором участвуют, с одной стороны, модели восприятия, мышления, поведения, с другой стороны, социальные структуры» [5. С. 64–65]. Следовательно, практики горожан являются проявлениями отношений, которые, с одной стороны, задаются городским планом строительства как объективной структурой, и моделями поведения, сформированными под воздействием определенной конструкции мышления и представлений, с другой. Однако предложенное определение практик требует конкретизации в ракурсе соотношения понятий практик и действий. В данном случае практика представляется как отношения, которые выражаются через действия. В таком случае практика сходна с веберовским пониманием социального действия, так как апеллирует к определенному социальному взаимодействию, где городская архитектура может выступать как посредником, так и агентом коммуникации.

Далее мы попробуем проанализировать, как выстраивается дискурс городской архитектуры и каким образом дискурсивное поле городской архитектуры может выстраивать логику социальных практик горожан.

Конструирование дискурса городской архитектуры

В своем семиологическом анализе Умберто Эко рассматривает архитектуру как объекты определенной коммуникации. «В этом смысле возможности, предоставляемые архитектурой (проходить, входить, останавливаться, подниматься, садиться, выглядывать в окно, опираться и т. д.), суть не только функции, но и, прежде всего, соответствующие значения, располагающие к определенному поведению» [6. С. 119]. Автор пишет о том, что коммуникативные возможности архитектуры (формы и коды) возникают в том случае, если существуют определенные правила среди индивидов, структурирующие денотативные и коннотативные значения архитектуры. В таком анализе единственной формой, которая может изучаться, является архитектурное сооружение «в качестве значащей формы». «В этих пределах и следует вести речь о коммуникативных возможностях архитектуры» [6. С. 124]. При этом в данных кодах заложены уже существующие правила и нормы, определенные ожидания, значит, если мы говорим о городской архитектуре, то мы утверждаем, что в ней уже заложены определенные правила и практики городского образа жизни, которые ожидаются быть увиденными.

В данной работе под дискурсом мы понимаем определенное конструирование и определение реальности, где дискурс способен формировать различные образы и практики, задавать направление мысли, способы восприятия и стиля жизни. Под дискурсом городской

архитектуры в данном анализе мы подразумеваем область практик и норм, которые конструируют жизнь города путем выстраивания или отражения социального пространства города. Данное понимание дискурса городской архитектуры основано на предположениях, выдвинутых нами ранее, о том, что архитектура является создателем определенных норм, практик и при этом также выступает в качестве проводника и ориентира в городском пространстве.

Дискурс архитектуры, формирующий вокруг себя «дискурсивное поле, которое принуждает следовать определенной логике» [7. С. 63–64], смешивается социальное и властное, где городская архитектура воплощается как средство коммуникации между социальными практиками. Таким образом, в данном анализе происходит столкновение двух дискурсивных полей – кинематографического и архитектурного, которые, владея языком дискурса и представляя ценностные ориентации, проблематизируют возможности дискурса городской архитектуры как способа конструирования и определения городской жизни. В кинематографическом дискурсивном поле режиссеры создают свое видение городской архитектуры, где деконструируют проблемы, создаваемые дискурсом архитектуры. Можно сказать, что они «поворачивают» архитектурный дискурс, который конструируется архитекторами. Тем самым кинематографисты имеют возможность создавать дискурс о дискурсе, используя принятый язык, ценности и проблематику дискурсивного поля архитектуры.

Здесь важно пояснить, что, говоря о дискурсе архитектуры и властном дискурсе, мы имеем дело с означиванием одного и того же понятия. Так, властность дискурса городской архитектуры является важным составляющим анализа, но не выделяется в отдельную форму сконструированной реальности. Мы стремимся изучить дискурс городской архитектуры, где, безусловно, выделяются некие властные стороны. При этом кинематографический дискурс представляет собой некое иное понимание дискурса, который имеет инструментальный характер, так как вводится и используется нами для «раскрытия», деконструкции архитектурного дискурса. Тем самым наполнение понятия дискурса для нас везде является базисно схожим, однако два введенных нами типа дискурса имеют разный онтологический характер: так, кинематографический дискурс является инструментом для описания теоретических представлений архитектурного дискурса.

Архитектура формирует ту или иную идеологию проживания, в которой индивид, не чувствуя насилия, принимает правила и создает практики, которые, в свою очередь, кодируют городские постройки и формируют базу для интерпретирующего прочтения городской архитектуры.

Использование кинематографического дискурса как базисно инструментального различения дало нам возможность анализа выбранного нами эмпирического объекта. Для решения таких задач, как анализ конструирования дискурса городской архитектуры в кино и выявление параметров, возникающих в процессе взаимодействия индивидов с городской архитектурой, был выбран критический дискурс-анализ как возможность раскрыть оппозиционные дискурсы и выявить точки их столкновений. Проследить, каким образом выстраиваются идеологии противоборствующих дискурсов и какими практиками подчеркивается роль того или иного дискурса. Индикаторы, которые были выявлены в процессе анализа, послужили базисом для изучения дискурса городской архитектуры со стороны архитекторов и конструкторов городской среды, где целью являлось проследить, как архитекторы выстраивают репрезентацию соотношения городской архитектуры и практик горожан.

Для решения поставленных задач, мы обратились к текстам фильмов, где мы видим, как городская архитектура становится тем самым властным дискурсом, поглощающим город и задающим рамки, в которые индивид должен вписаться, индивид должен принять дискурс и стать его частью. «Мы создали “культуру жильцов”»; «Это так ужасно, это так страшно знать, что я один из потерянных людей, среди миллионов. Прошли годы, а я до сих пор не смогла решить одну из загадок: “Валли в большом городе”» (к/ф «Глухие стены», 2011).

Если проанализировать рассуждения Фуко, то можно наблюдать, как в кинофильме городское планирование выступает полем дискурсивных практик, которые навязывают индивидам определенную когнитивную базу, устанавливают порядок коммуникации и мышления, обозначают и разделяют нормы и не нормы [8].

При этом в кинофильме городское планирование рассматривается как социальное пространство, которое выстраивается в физическом. Иначе говоря, архитекторы и планировщики имеют возможность создавать город так, чтобы социальное пространство само вписывалось в него. Соответственно городскую архитектуру можно определить как символический капитал, функционирующий в социальном пространстве. При этом авторы фильма репрезентируют оппозиционный дискурс отчуждения именно на том, что главные герои выбирают путь отчуждения, так как осознают властный дискурс архитекторов и планировщиков.

В процессе дискурс-анализа кинофильмов нами были выделены следующие параметры репрезентации архитектуры:

- транзитивность между городской архитектурой и формированием властного дискурса городского образа жизни; связь между тем, как городская архитектура выстраивает городской образ жизни;
- социокультурный контекст дискурса городского планирования и социальных практик горожан;
- социальные практики горожан;
- практики приспособления.

Данные параметры и послужили нам основой для глубинного интервью с архитекторами городского пространства. Так как изучая дискурсивную интерпретацию городской архитектуры через кинофильмы, мы можем наблюдать ее проблематизацию, которая достигается посредством гиперболизации. В таком случае архитекторы служат для нас «проводниками», раскрывающими данную проблему. Нами был разработан гайд для глубинного интервью и осуществлен сбор данных. Вопрос о выборке информантов исходил из условия, чтобы это были действующие архитекторы и конструкторы, занятые в сфере городского планирования. Также для получения более разнородной информации принималась во внимание географическая разнообразность информантов. В итоге было опрошено 11 архитекторов в возрасте от 22 до 35 лет из Новосибирска, Москвы, Барнаула, Саппоро и Уфы. Следует отметить, что исследователями осознается возрастное ограничение выборки информантов. Однако каждый из опрошенных, несмотря на свой возраст, имеет немалый профессиональный опыт. Также узкий возрастной диапазон информантов мы попытались компенсировать местом проживания (разные города и страны) и, следовательно, опытом работы в различных регионах страны. Так, архитекторы, которые выступили в качестве информантов, отмечали, что уже имеют немалый опыт работы с различными типами заказов в сфере городского строительства, и делали акцент на том, что многое зависит от финансовой особенности территории, на которой строительство осуществляется, а следовательно, территориальная вариативность информантов – один из важных критериев.

Анализ конструирования дискурса городской архитектуры

На основе интервью с архитекторами выяснялось, как городская архитектура способна влиять на выбор той или иной стратегии поведения индивида в городе. Гайд для интервью строился на индикаторах, которые были выделены в процессе дискурс-анализа кинофильмов. Также в процессе проведения интервью экспертам были продемонстрированы отрывки кинофильмов, на основе которых, в том числе, строилось обсуждение. Далее нами были проанализированы следующие отличительные черты с позиции экспертов.

1. Транзитивность между городской архитектурой и формированием властного дискурса городского образа жизни. Связь с тем, как городская архитектура выстраивает городской образ жизни:

Ну, я могу сказать про Москву. В Москве, все знают, тесно, и это очень меняет людей. Люди в Москве не умеют передвигаться медленно пешком, они все время бегут, потому что на улице все время тесно, они постоянно добегают от места до места, где можно сесть и хотя бы вздохнуть, а все остальное время они просто бегают. Другая вещь, это то, как человек использует общественный транспорт, очень сильно меняет его привычки. Люди, которые ездят на автобусе, они имеют там один набор одежды, люди, которые ездят на машине имеют другой набор одежды. Вообще, машина, автобус – это тоже проблемы архитектуры, потому что, если в том месте, где ты работаешь, нет нормальной парковки, то твоя жизнь карди-

нально меняется. Город просто заставляет тебя пойти и купить себе шубу на зиму или там шапку хорошую [Информант № 1]¹.

У нас есть нормы установленные, есть зонирование города, где уже генеральным планом города определены зоны, где уже определено, что мы можем строить, этажность там уже определена, то есть зонирование города есть. Ну и мы стараемся вписать здание в среду, не в поле же проектируем, но тут нужно понимать, что, если заказчик строит двадцатипятиэтажное здание в пятиэтажных микрорайонах, тут трудно сказать заказчику нет, то есть экономика такая, тут трудно с ним спорить и зачастую ты идешь на поводу [Информант № 8].

Здесь мы можем видеть четкое структурирование властных позиций со стороны городской архитектуры, которое выражается в заданных планах (очевидная власть), но при этом демонстрируются также практики, которые остаются нерелексивными, такие как выбор гардероба или маршрута (неочевидная власть).

2. Социокультурный контекст дискурса городского планирования и социальных практик горожан:

Ну, я могу тебе пример привести, считается, что в Японии высокий уровень суицида обусловлен тем, что там застройка очень масштабная, то есть это небоскребы, высотные здания, это узкие улицы, вот [Информант № 3].

В данном пункте можно указать на еще одну интересную позицию, которую выделяют архитекторы: это то, как архитектура вмешивается в перестройку уже сложившегося социального пространства:

Архитектура формирует человеческое сознание, этот вектор имеет под собой очень много оснований, ну то есть нельзя отрицать, что люди, проживающие в разных средах обитания, воспитываются и формируются по-разному. <...> А другая позиция заключается в том, что человек создает пространство вокруг себя. Можно рассмотреть как пример территорию в районе Подмоскovie. Там решили построить очень красивый новый район, почему его решили построить? Потому что, там живет очень много приезжих, там и жилье значительно дешевле, там уголовщина, беззаконие. Они пришли и сказали: «Ребята, мы вам сейчас здесь все построим, все будет супер». Оказывается, что сейчас туда никто не ходит, то есть там нет людей.

Есть еще район возле Киевского вокзала с определенным контингентом всегда, там жилье дешевле, там опасно, там много приезжих, с которыми не всегда приятно рядом ходить. Вот и там тоже решили пойти по тому же пути, построили там большой торговый центр, он называется «Европейский» и он как бы новый, хорошие там магазины. Но дело в том, что люди в этом торговом центре остались те же, то есть сейчас прошло время, и я не так давно была в этом торговом центре, то есть сейчас там на весь торговый центр осталось, наверное, бутика два [Информант № 7].

Исходя из данного примера, стоит отметить, что, во-первых, данное вмешательство может изменить социально-культурный контекст территории, но не может гарантировать успешность этого изменения. Во-вторых, при попытке изменить социальную среду территории, не учитывая социокультурный контекст, архитектурное вмешательство извне может и не изменить ситуацию на данной территории.

В данном пункте стоит отметить, что у архитекторов строго выделяется позиция того, что архитектура способна не только формировать определенный образ жизни различным образом в зависимости от архитектуры, но также способна влиять на восприятие индивидов «извне», которые сталкиваются с данной архитектурой. К примеру, индивид способен считать социокультурный контекст района, не общаясь с жителями, а просто из его внешнего вида.

Ленинский-Кузнецкий с 90-х годов характеризуется как криминальный город и просто въезжая в этот город, даже по архитектуре можно ощутить, что это город действительно криминальный: хрущевки, у которых не было реставрации последние лет 30 минимум, дорог нет, ничего нет, по всюду серия электрических проводов, выступающих наружу, незакрытых, куча кабелей, куча тарелок, все это торчит, много рекламы, вывесок, стендов, абсолютно необоснованных, не вписывающихся в атмосферу, таких городов очень много. И часто бывая в таких городах, только из-за одной архитектуры можно чувствовать себя в опасности, в страхе [Информант № 9].

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранены.

3. Социальные практики горожан:

Я вот жила в Академгородке и ездила в архитектурный институт семь лет или около того на 36 автобусе и вот меня формировал автобус. Он формировал мой гардероб, он формировал мой режим дня, он вообще все мне решал. Люди, которые ходят на электричку, они другие, они не такие как я, они могут прийти в нормальном пальто, зайти в определенное строгое время в электричку, и у них как бы жизнь другая.

В Москве очень много есть всяких разных едален, всяких мест, где можно посидеть, потому что человек, живущий в Москве, он где-то до тридцати лет живет с мамой, если он москвич, или где-то до тридцати лет живет в общежитии, если он не москвич, а ни к маме, ни в общежитии друзей пригласить нельзя, социальные контакты необходимы, и поэтому в центре возникает огромное количество площадок для этих самых социальных контактов. Бесконечное количество кафе, баров, ресторанов и тому подобного, кинотеатров <...> Поэтому в Москве такая структура, что вот ты живешь в коробке значит обувной, а с друзьями видишься, только в общественных местах, а от места до места добегаешь [Информант № 1].

4. Практика приспособления. Проявление практик перестройки городского пространства:

Например, в Новосибирске на левом берегу люди себе делали отдельный вход, как делают в магазины вход, встраивают лестницу. Вот, там делали роскошный вход прямо в квартиру. У меня друг из Киева, он говорит, что там это очень распространено в спальнях районах [Информант № 4].

Однако здесь можно также обнаружить столкновение позиций. Так, когда мы в разговоре с архитекторами спрашиваем о приспособлении городской архитектуры под себя, то архитекторы также выдвигают позицию, что индивиды не должны вмешиваться в уже существующие пространства. Ведь так было задумано и запланировано, и архитекторы как люди, обученные своему делу, лучше знаю, как организовать комфортное для индивида пространство.

Мне не нравится, когда люди рушат архитектуру, у архитектора был замысел, а простолюдины в него вмешиваются своими кувалдами [Информант № 3].

Люди все разные, и понимание красоты тем более у всех разное, «мне нужно тут окно, а мне тут», а как эта архитектура будет снаружи выглядеть? «Как архитекторы все плохо строят, ой», да это просто ужасно [Информант № 7].

Общественность, которая высказывает свое мнение по поводу архитектуры, должна состоять из архитекторов, не просто из простых людей <...>. Я думаю, что общественность должна состоять из архитекторов, которые бы могли оценить проект и сказать: «Да, мы согласны, это украсит наш город» либо нет [Информант № 9].

В данных примерах наблюдается реакция на проблемы городской архитектуры, которые описываются в кинофильмах. Также стоит отметить, что в данной части прослеживалась одна из наиболее острых проблем, связанных с перестройкой городского пространства, – это изначальная роль архитектора в его создании. Тем самым можно говорить, что именно в данном пункте прослеживается наиболее сильное столкновение разоблачающего кинодискурса и собственно архитектурного дискурса.

Важный аспект, который нужно отметить, это то, что архитекторы хоть и выступают в данном исследовании как эксперты в вопросах городского планирования и городской архитектуры, они также являются и жителями мегаполисов, соответственно в ходе интервью они опирались не только на свой опыт как архитекторов, но и на свой опыт как жителей, путешественников и т. п. При этом интересно, что многие из респондентов в процессе интервью рефлексировали свой жизненный опыт с точки зрения своей профессии, что сделало анализ более насыщенным и к тому же придало анализу плотность описания за счет наличия большого количества жизненных примеров.

Городская архитектура как «идеальный конструкт»

Одним из важных аспектов анализа было проследить, каким образом архитекторы городского пространства конструируют дискурс городской архитектуры. Для этого в гайд были

включены такие вопросы: «Что для вас в целом архитектура / городское пространство?»; «Как вы считаете, что сейчас является отличительной чертой при строительстве новых зданий в современных городах?»; «Существуют ли, по вашему мнению, в целом какие-то особые традиции в архитектуре современных городов?»; «Можно ли выделить какие-то “модные” течения в современной архитектуре?». Эти вопросы служат для нас показателями в отношении того, какое место занимает архитектор в иерархии конструирования городского пространства, каким образом архитектура современных городов формирует окружающую среду, образ жизни и практики горожан.

Вынесение данного пункта в отдельный параграф связано в первую очередь с тем, что в процессе анализа были выявлены две позиции, которые отвечают тому, каким образом конструируется дискурс современной городской архитектуры. Так, с одной стороны, была выявлена позиция, в которой современная городская архитектура выступает лишь как инструмент, лишенный идеи, где архитекторы теряют свою важность и занимаются «клонированием» городских сооружений.

Мне так кажется, что у современной архитектуры нет идеи какой-то определенной на сегодняшний день, архитектура должна возвышаться над человеком. Сейчас я этого не наблюдаю [Информант № 6].

У нас в Бийске площадь была привокзальная, там, где два вокзала, и мы там построили торговый центр стеклянный, а потом собственно «Мария-Ра» заказала еще один на противоположном конце, и мы все-таки пытались как-то связать их в едином стиле, чтобы он не выбивался, а вот заказчик как-то там за противился, и мы рисовали, рисовали, «нет», говорит, «хочу так и всё». Ну и мы распротивились, ультиматум давай ставить, что мы вам вот так вот отдадим, а вы там стройте, как хотите, и такая фраза была ответная «а кто деньги платит». Поэтому кто деньги платит, тот заказывает музыку, поэтому даже если архитектор даже что-то пытается здесь противиться, то он сейчас никакой роли не играет, он как инструмент, он собственно нарисовал и все [Информант № 10].

Раньше как, у архитекторов была позиция такая авторитетная, то есть архитектор сказал: «Вот тут вот лучше так сделать», и прислушивались, а сейчас инвестор уже, у него свои деньги, он их вкладывает, и он хочет сэкономить где-то, не понимая, что теряется в данном случае [Информант № 11].

Так, современную городскую архитектуру можно сравнить с архитектурными моделями городов, где за счет постоянно меняющихся условий труда и бешеной скорости их развития, архитектура теряет концептуализацию, и ее внешний облик больше не имеет значения для города. Жилье представляет собой одинаково построенные бетонные вертикали, в которых отсутствует какое-либо разнообразие. В такой ситуации архитекторы теряют свой статус «знатока» и «учителя», который обучен формировать общую картину за счет городской архитектуры. Дискурс городской архитектуры конструируется путем упрощения, стирания границ и выдвижения на первый план исключительно экономической выгоды от городской архитектуры. Архитектура лишается индивидуальности и пластичности, она клонирована, тем самым гарантируется ее полное единообразие.

Джейн Джейкобс описывает традицию данной архитектурной практики на примере устоявшейся городской американской политики: «Антигородское проектирование по-прежнему занимает в американских городах поразительно прочные позиции. Оно по-прежнему воплощено в тысячах инструкций, подзаконных актов, кодексов, в бюрократической боязни отступить от стереотипов, в бессознательных мыслительных установках, распространенных в обществе и заостренных от времени» [9. С. 5].

С другой стороны, современная архитектура сравнивается с проектами прошлых лет, и архитекторами выдвигается постулат о том, что современная архитектура должна стремиться к тому, чтобы выражать собой человека, чтобы служить для человека пространством, где бы он мог «проживать разные реальности». Это такие города, где здания формируют собой разные реальности, и человек, передвигаясь внутри здания или от здания к зданию, испытывает разные эмоции, насыщает свою жизнь впечатлениями именно от архитектуры.

Архитектура – это особый вид пространства, в том числе зданий, внутри зданий, вне зданий, которые своим обликом, своим конструктивом, своей функцией позволяют человеку полноценно жить, питаться от этого пространства, наслаждаться им, то есть это та часть жизни как фон, если фон хороший, то ему и легче выстраивать свою жизнь на этом фоне [Информант № 11].

Таким образом, архитектура выступает не как инструмент, а как путеводитель для горожан в городе, где архитектура сама выступает конструктом городского образа жизни, и в этом случае дискурс городской архитектуры конструируется как индивидуализированная архитектура, которая способна переформировывать социальное внутри себя.

Подводя итоги, отметим, что в середине XX в., когда за счет стремительной перестройки городов архитектура становится функциональной и выходит на массовое производство, в этот момент архитектура становится понятной и легко считываемой, что позволяет исследователям ставить ее в предмет своего изучения. Так, в концепции Пьера Бурдьё, именно архитектура выступает как одна из составляющих объективной структуры, через которую выражаются модели восприятия, мышления и поведения. Таким образом, социальные практики горожан являются проявлениями действий, которые задаются, с одной стороны, городским планом строительства как объективной структурой, а с другой – моделями поведения, сформированными под воздействием определенной конструкции мышления и представлений.

Именно с этого периода встает вопрос о двойственности архитектуры как создателя городских практик и как инструмента для поддержания уже сформировавшегося города. В данном исследовании мы попытались провести разведывательный анализ, чтобы проследить, как выстраивается дискурс городской архитектуры, который формирует определенное мышление и образцы поведения.

По результатам анализа интервью делаем вывод, что, даже будучи инструментом современной рыночной экономики и подстраиваясь под условия города, архитектура все равно способна формировать или трансформировать уже привычные практики. Так, например, транспортная система, которая стремится предоставить горожанам выбор способа передвижения, диктует определенные правила, вплоть до того, что определяет гардероб. При этом влияние городской архитектуры на практики варьируется еще и в зависимости от разных критериев города. Так, в небольших городах, которые только начинают свою масштабную перестройку, городская архитектура является непосредственным инструментом формирования социальных практик. Однако в больших городах, где многие архитектурные сооружения и городские системы уже не поддаются перестройке, формируются новые практики, которые стремятся вписаться в уже существующую архитектуру. Именно это позволяет нам говорить о том, что архитектура в действительности дает нам возможность изучения преемственности культуры поколений, изменения общественных структур и отражает современную культуру в целом.

Список литературы

1. Вильковский М. Б. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с.
2. Делитц Х. Архитектура в социальном измерении / Пер. с нем. М. Б. Вильковского, А. Г. Воробьевой // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 113–121.
3. Серто М. де. По городу пешком / Пер. с фр. А. А. Касмарского // Социологическое обозрение. 2008. № 2. С. 24–38.
4. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
5. Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник. М.: Петрополис, 1998. 544 с.
7. Ильин В. Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008. 466 с.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-card, 1994. 407 с.
9. Джекобс Д. Жизнь и смерть больших американских городов / Пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.

V. V. Ivanova^{1,2}, M. A. Zykova²

¹ Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

zykova.maria@gmail.com, ivanovavasilina@mail.ru

CITY ARCHITECTURE AS WAY OF CONSTRUCTION AND DECONSTRUCTION OF SOCIAL PRACTICES IN THE CITY

In this article urban architecture, acting as a «natural physical borders of mankind», creates a certain discourse of social practices that construct and define reality, forming views and values. Moreover, that discourse can be deconstructed and problematized through representation of the urban architecture, which provides an opportunity to explore different ways of forming those social practices among citizens.

Thus, the main idea of this study is to examine the way in which social practices could be seen as a reflection of citizen's actions, which, on the one hand, are set up by the urban construction as an objective structure and, on the other hand, modal behavior which are formed by the influence of a certain structure of thought and ideas.

To implement the objectives of the study, we use the discourse analysis as a method of analyzing the meanings through which an attempt of deconstruction of practices of urban life is made, the analysis of themes which are brought up to reveal the featured characteristics and values of urban architecture and ways of its coding.

Keywords: urban sociology, sociology of architecture, urban architecture, discourse analysis.

References

1. Vilkovsky M. B. Sotsiologia arkhitektury [Sociology of Architecture]. Moscow, Russky avangard Publ., 2010, 592 p. (In Russ.)
2. Delite H. Arhitektura v social'nom izmerenii [Architecture – Social Dimensions]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2008, no. 10, p. 113–121. (In Russ.)
3. Serto M. de. Po gorodu peshkom [Walking through the city]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2008, no. 2, pp. 24–38. (In Russ.)
4. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva [La production de l'espace]. Moscow, Strelka Press, 2015, 432 p. (In Russ.)
5. Byrdie P. Sotsiologia sotsialnogo prostranstva [The Forms of Capital]. Moscow, St. Petersburg, Aletya Publ., 2007, 288 p. (In Russ.)
6. Jeko U. Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju [The Absent Structure. A theory of semiotics]. Moscow, Petropolis Publ., 1998, 544 p. (In Russ.)
7. Ilin V. Potreblenie kak discours [Consumption as a discourse]. St. Petersburg, Intersozis Publ., 2008, 466 p. (In Russ.)
8. Fuko M. Slova i vesch. Arheologia gumanitarnux nayk [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. St. Petersburg, A-card Publ., 1994, 407 p. (In Russ.)
9. Dzhekobs D. Zhizn' i smert' bol'shiih amerikanskih gorodov [The death and life of great american cities]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, 460 p. (In Russ.)

For citation:

Ivanova V. V., Zykova M. A. City Architecture as an Action for Construction and Deconstruction of Social Practices in the City. *World of Economics and Management*, 2017, vol. 17, no. 2, p. 150–159. (In Russ.)